

DOI 10.31483/r-110978

*Кугай Александр Иванович***НАЦИОНАЛИЗМ И ПОПУЛИЗМ: ТОЖДЕСТВО И РАЗЛИЧИЕ**

Аннотация: в главе раскрывается логика популизма и национализма, представлено обоснование: когда и почему исторически возникают эти дискурсы, и какую функцию они выполняют в современной политике. Во-первых, национализм и популизм – внутренне переплетены, имеют общее структурное происхождение, они не могут быть полностью отделены друг от друга, даже если возможно разграничить идеально-типическую логику этих явлений. Во-вторых, национализм и популизм проявляются в разнообразных формах: живучесть «банального» национализма сопровождается почти повсеместным присутствием «тонкого» популизма. В-третьих, проблема отношения национализма и популизма к современной демократии в принципе неразрешима. Национализм и популизм абсолютно необходимы для функционирования современной демократии, поскольку они предлагают решение пограничной проблемы и проблемы политического представительства. Соответственно без минимального слоя национализма и популизма современная демократическое сообщество распалось бы прежде, чем оно смогло бы сформироваться.

Ключевые слова: национализм, популизм, государство, политическое представительство, идеология.

Abstract: the article discloses the logic of populism and nationalism, presents the rationale: when and why these discourses historically arise, and what function they perform in modern politics. First of all, nationalism and populism are internally intertwined, have a common structural origin, they cannot be completely separated from each other, even if it is possible to distinguish the ideal–typical logic of these phenomena. Secondly, nationalism and populism manifest themselves in various forms: the vitality of "banal" nationalism is accompanied by the almost ubiquitous presence of "subtle" populism. Thirdly, the problem of the relationship of nationalism and populism to modern democracy is, in principle, intractable. Nationalism and populism

are absolutely necessary for the functioning of modern democracy, as they offer a solution to the border problem and the problem of political representation. Accordingly, without a minimum layer of nationalism and populism, the modern democratic community would disintegrate before it could form.

Keywords: *nationalism, populism, state, political representation, ideology.*

Введение

На семантическом уровне концептуальное совпадение национализма и популизма не очень удивительно: термины «нация» и «народ» часто используются как синонимы, причем некоторые языки, объединяют их в одно означающее, как немецкий Volk. Популизм сегодня может казаться и лекарством, и ядом для демократии, в зависимости от политической позиции комментатора.

Экспертов, рассматривающих национализм и популизм, как соположенные явления можно подразделить на два перекрывающихся кластера. В первом кластере – ученые, различающие правый и левый варианты популизма. В этом плане было выражено допущение, что ключевой особенностью правого популизма является национализм, а не популизм, и, соответственно, термин «популизм» характерен для левых движений [27].

Недостаток этого подхода в том, что он способствует политизации терминологии путем связывания национализма и популизма с определенными мировоззренческими позициями. Действительно, контраст между правым «национализмом» и левый «популизмом» имеет поразительное сходство с классическим различием между «этническим» и «гражданским» национализмом – различие, справедливость которого подвергалась широкой критике [5]. Второй кластер литературы предлагает гораздо более многообещающий путь вперед. Национализм сосредоточен на горизонтальной оси входа/выхода, тогда как популизм сосредоточен на вертикальной оси вниз/вверх.

Другими словами, популизм и национализм обладают различной «дискурсивной архитектурой», посредством которой они конструируют и разграничивают политическое пространство.

Эта статья предлагает два основных вклада в существующую теоретико-дискурсивную литературу.

Во-первых, она раскрывает логику популизма и национализма,

Во-вторых, дает историческое обоснование, отвечая на вопросы: когда и почему исторически возникают эти дискурсы и какую функцию они выполняют в современной политике.

Основной аргумент заключается в том, что сочетание двух политических принципов – политического представительства и народного суверенитета дает начало возникновению популизма и национализма. В результате этого союза возникает дихотомическое восприятие политики, сфокусированной на топологическом отделении суверенного народа от центров власти внутри национального государства.

Существование этих ножниц пространственного расхождения между обществом и государством, предполагает решение проблемы нормального политического общественного устройства с двух сторон: во-первых, суверенный народ должен быть идентифицирован, а во-вторых, суверенный народ должен быть вновь представлен во властных органах. Первое из этих движений выполняет дискурсивная логика национализма, в то время как популизм выполняет второе.

В политической истории национализм и популизм дают о себе знать не как политические программы или идеологии, которые поддерживают определенное видение общества, но как двойная логика, которая определяет границы и нормирует современную политическую арену: национализм, занятого идентификацией суверенного народа, а популизм – представлением народа в органах власти. Иными словами, национализм и популизм не относятся ни к заранее заданным идеологическим содержанием с такими как социализм, либерализм и консерватизм [6].

Второй ключевой вклад этой статьи заключается в проблематизации преобладающего определения национализма в дискурсивно-теоретической литературе, которая не может адекватно концептуализировать отношения нации и гос-

ударства. По словам Янниса Ставракакиса, например, националистический дискурс имеет только одну узловую точку (нацию), тогда как популистский дискурс имеет два (народ и элита) [27]. Напротив, мы демонстрируем, что национализм, как и популизм, строится вокруг двух узловых точек: нации и государства. Признание этой дихотомической структуры национализма, отражающей дихотомическую структуру популизма, является ключом к разгадке переплетения этих взаимосвязей двух дискурсов.

Это означает, что даже если национализм и популизм концептуально или аналитически различимы, они не являются полностью разделимыми. Очевидно, «транснациональные» популистские движения сохраняют важную националистическую составляющую. Таким образом, обретает решающее значение в концептуализации отношений между нацией и государством не только историческое обоснование национализма и популизма, но и за признание их глубоко переплетенных отношений.

Идеология в современном государстве

Политические идеологии, такие как социализм, либерализм и консерватизм, очерчивают конкретные представления о том, как должно быть организовано общество. Каждая идеология вращается вокруг набора центральных концепций, сформулированных в виде «общего плана государственной политики относительно перспектив общественного развития. Напротив, популизму и национализму не хватает четко определенной конфигурации понятий или конкретного представления о том, как должно быть организовано общество. Структурное объяснение неопределенности популизма и национализма можно найти в их тесных отношениях с современным государством: популизм и национализм не озабочены определенным видением общества, а легитимацией политической арены, созданной современным государством [6].

Легитимируя политическую арену, созданную современным государством, переплетающиеся логика популизма и национализма также лежит в основе функционирования современной демократии, также известной как либеральная демо-

кратия, парламентская демократия, конституционная демократия, плюралистическая демократия и представительная демократия. Возникновение современного государства, таким образом, влечет за собой построение абстрактного пространственного разграничения между двумя разными уровнями: людьми (обществом), с одной стороны, и местом власть (правительство) с другой. Именно расщепление социально-политической сферы надвое, пространственная дизъюнкция между народом и местом силы, что создает структурные условия для функционирования политического представительства. Как отмечает Саймон Торми, представительная политика является «политикой дизъюнкции, прочно укоренившейся в опыте современности: разрыв между государством и обществом, между элитами и простыми людьми» [26].

По сути, идея репрезентации предполагает существование «двух уровней игры»: поле представляемых и поле тех, кто действует от их имени в качестве их представителей» [7, с. 81]. В контексте современного государства этими двумя уровнями являются общество и правительство. Практика политического представительства активизирует связь между государственными институтами и общества. Однако сам по себе принцип политического представительства «совсем не является особенно демократическим явлением» [4], поскольку узаконивает правление небольшой группы власть имущих. В более общем плане ничего не говорится о том, кто должен быть представлен.

Следовательно, принцип политического представительства должен дополняться принципом народного суверенитета, выступающим своего рода «регулирующим принципом». Неслучайно история национализма и популизма совпадает с историей народного суверенитета. Раньше политическая легитимность могла исходить из ряда различных источников, включая божественное право, королевскую кровь, завоевание, наследство и феодальную верность, но то, что объединяло все эти досовременные теории легитимности была «негативная презумпция того, что легитимность не имеет ничего общего с теми, кто правил. Массы были исключительно объектом, а не источником политической власти» [8]. Ситуация начала меняться в период Нового времени, когда термин

«люди» (использовавший ранее как «чернь» или «плебс») и термин «нация» (который ранее означал сообщество иностранцев) слились воедино в новой идее уникального и суверенного человека [19].

В политической практике переломным моментом стала американская и французская революций в конце восемнадцатого века: в 1787 г. независимые Соединенные Штаты Америки институционализировали вымысел «Мы, народ» [10] и два года спустя Декларация прав человека и гражданина провозгласила, что источник всего суверенитета находится в основном в нации» [24]. С тех пор принцип народный суверенитет зарекомендовал себя как гегемонистский дискурс политической легитимности. Взятые вместе, принцип политического представительства и принцип народного суверенитета составляют два столпа современной политики. Однако каждый структурирован вокруг конститутивной апории.

Взятые вместе, принцип политического представительства и принцип народного суверенитета составляют два столпа современной политики. Однако каждый структурирован вокруг конститутивной апории. Таким образом, на практике функционирование современной политики требует двух «невозможных» – и, следовательно, обязательно идеологических – шагов. Во-первых, для государя чтобы люди были доступны для представительства, их личность должна быть разграничена и определена. Во-вторых, для осуществления воли суверенного народа через политическое правление место власть должна быть занята их представителями: суверенный народ должен быть представлен в правительстве. Далее я утверждаю, что национализм и популизм являются имена, данные этим двум идеологическим движениям: популизм – это «вертикальное» представление воля суверенного народа на месте власти, а национализм – о «горизонтальном» определение того, кто является суверенным народом в первую очередь.

Популизм

Популизм – столь расплывчатый термин, что обрел стал клише, чтобы сокрушаться о его отсутствии ясности [2–3].

Чтобы начать анализировать эту двусмысленность, полезно проследить за Яном Ягерсом и Стефаном Уолгрейвом различии «тонких» и «толстых» проявлений популизма. Первое – это просто риторическая стратегия, которая призывает к людям и влечет за собой «заметное демонстрация близости к (обычным) гражданам» [28]. Популизм в этом «тонком» смысле фактически универсальная черта современного политического дискурса. Ведь обращение от имени людей является «хронической и повсеместной практикой» в наше время. Напротив, «толстая» его версия – проявления народничества влекут за собой построение вертикального антагонизма между народом и элитой, сопровождающейся гомогенизацией народа как единого актора [25, с. 259].

В точной терминологии, один узел относится к народу, а другой относится к держателям власти. Эту дихотомическую структуру можно увидеть, например, в работе Каса Мудде, определяющей популизм как «идеологию, рассматривающую общество как окончательно обособленное на две однородные и антагонистические группы: «чистые люди» против «коррупцированных элит», в которой утверждается, что политика должна быть выражением *volonté générale* (общая волей) народа» [9, с. 543]. В тоже время в популистской ссылке на народ есть явная неопределенность: популистский призыв «вернуть политику народу» эксплуатирует двусмысленность, соответственно, «народ» сначала понимается в противопоставлении власть имущим (и, следовательно, как что-то меньшее, чем население в целом), а затем расширяется, чтобы обладать властью суверенного народа в целом» [20, с. 249]. Проще говоря, популисты утверждают, что «часть народа является народом» [28, с. 322]. Эта конститутивная двусмысленность означает, что популизм на самом деле не является против элиты как таковой. Основное недовольство популистов скорее в том, что элита не отражают волю всего народа. Точно так же популисты по своей сути не выступают против «технократии», не противостоят «институтам», чтобы показать близость к людям.

В действительности популисты выступают против разрыва представительства, отделяющего народ от власти. Популисты практикуют «политика непосредственности», которая стремится свести к минимуму дистанцию между сувереном, людьми и их представителями.

В своем влиятельном исследовании тоталитаризма Клод Лефор описал основную структуру тоталитарной логики как образ Людей-как-Единого в сочетании с образом власти как единство [11]. Поскольку популистский дискурс обращается к содержательному образу как однородному телу и стремится прямо представить это тело на место силы, его можно понимать как «протототалитарную логику». Утверждая, что подлинные люди могут быть окончательно идентифицированы, популисты делают «своего рода окончательное заявление», которое стремится положить конец оспаривать и зашивать политическую арену. Что отличает популизм от собственно тоталитаризма, так это то, что популизм ограничивается занятием места власти суверенным народом, тогда как тоталитаризм влечет за собой дальнейший крах политической области с другими областями, такими как экономика, право и образование.

Логика национализма

Как и в случае с популизмом, полезно различать «тонкие» и «толстые» определения национализм. В исследованиях национализма их обычно называют «банальными» и «горячими» формами национализма соответственно. Банальный национализм можно определить, как присутствие нации на фоне повседневных социально-политических практик: «Метонимический образ банального национализма – это не флаг, который вешается сознательно, для того чтобы махал с пылкой страстью; это флаг, незамеченный публикой» [21. с. 8].

Согласно Де Клину и Ставракакису, националистический дискурс имеет только один узел пункт: «Национализм – это дискурс, построенный вокруг узловой точки «нация», предусмотренной как ограниченное и суверенное сообщество, существующее во времени и привязанное к определенному пространству, и это строится через противопоставление внутри/вне между нацией и чужими ей

группами» [12]. Учитывая, что нация также может обозначаться другими словами, такими как «народ», что отличает национализм от популизма, так это внутренняя/вне оппозиционная структура, которая конструирует нацию как исключительную группу. Проблема с этим определением заключается в том, что другие такие дискурсы, как расизм и сексизм, также делят человечество на исключительные группы. Соответственно, Де Клин и Ставракакис обращаются к работам Бенедикта Андерсона и указать, что нация представляется как «ограниченное и суверенное» сообщество и признают, что ссылка на суверенитет вызывает понятие государства: желание националистов решать свое будущее независимо от других «становится наиболее очевидным в требованиях независимого государства». Тем не менее, по неясным причинам, они по-прежнему настаивают, что «не государство, а нация служит узловой точкой национализма: легитимность государства зависит от его представительства суверенной нации» [21]. Отказ де Клина и Ставракакиса включить какое-либо понятие политической власти в качестве второй узловой точкой, вызывающей недоумение, особенно ввиду того, что они отождествляют два узловых явления популизма (народ и элита, а не просто народ). Более того, исследователи национализма уже давно признали государство основным компонентом современной националистического дискурса. Эрнест Геллнер [13] утверждает, что национализм в основном касается соответствия нации и государства, Джон Брейи [16] рассматривает государство как краеугольный камень национализма, описывает национализм как дискурс государственной легитимности. Именно взаимодействие нации и государства производит «окультурирование политики» и «политизацию культуры», характерные для национализма. Таким образом, заявление Де Клина и Ставракакиса [12] о том, что национализм имеет только одну узловую точку, в высшей степени проблемно. Национализм лучше понимать, как дихотомический дискурс, основанный на двух узлах: нация и государство [1]. Последние также могут быть обозначены сигнификаторами, такими как «суверенитет», «независимость», «автономия» и «самоопределение». Решающим моментом является что национализм, как

и народничество, влечет за собой обращение не только к народу, но и к месту силы.

Рассмотрим, например, немецкоязычное население Чехословакия в межвоенные годы. Как отмечает Джон Брейи, включение Судетскую область в составе Третьего рейха в 1938 году можно рассматривать с трех разных точек зрения: «как часть стремление к объединению Германии; как выражение государственного национализма на часть правительства Германии; и как сепаратистский национализм среди богемы/ судетских немцев» [17]. Однако в каждом случае конечная цель националистического проекта то же самое: конгруэнтность нации и государства. Ссылаясь на нацию, националистический дискурс стремится обосновать легитимность государства в пространственно-ограниченном дополитическом сообществе. При этом он предлагает решение «проблема границ», чем нарушает принцип демократической теории.

Однако чисто гражданское или даже культурное понимание нации не в состоянии объяснить ее устойчивость во всем мире. поколений и через социокультурные изменения. Вот почему националистический дискурс часто требует этнического или расового компонента: объяснение живучести нации во времени требует выявления некой этнической или расовой «сущности», лежащей в основе нации, которая должна оставаться неизменной из поколения в поколение. В этом смысле национализм можно считать «проторасистской» логикой. Если национализм влечет за собой культуризацию политики и политизации культуры, то расизм влечет за собой «натурализацию культуры» и «окультуривание природы» [23]. Через натурализацию культурных форм расизм способствует воспроизводству сообщества, вокруг которого строится национальное государство. Мы не утверждаем, что все эмпирические проявления национализма являются расистскими – это не только эмпирически несостоятельно, но и аналитически бесполезно, поскольку стирает различие между национализмом и расизмом. Вместо можно сказать, что националистический дискурс содержит неотъемлемый потенциал, особенно во времена неопределенности или кризиса, чтобы вернуться к эссенциалистскому регистру, который расизмирует национальное сообщество.

Обращаясь за опорой к расизму, националистический дискурс находит кажущуюся незыблемой трансисторическую основу политической единицы.

Популизм и национализм: логика исключения

Популизм и национализм очень похожи друг на друга по своей дихотомической структуре. Хотя их отправные точки диаметрально противоположны, логический вывод националистический и популистский дискурс идентичен: устранение репрезентативного разрыва, существующего между народом и местом власти, завершающееся созданием внутренне однородного национального государства. Эта связь между национализмом и однородность хорошо известна в научной литературе – общепризнано, что эпоха национализма была также эпохой геноцида и этнических чисток. Иначе, связь между популизмом и однородностью не менее значима, но получила гораздо меньше внимание. В одном из немногих текстов на эту тему Бенджамин Маккин подчеркивает, что популистское обращение к «народу» влечет за собой «усредняющую и поляризующую логику, которая делает все внутреннее по отношению к системе одинаковым, а все внешнее по отношению к ней отличается» [22].

Именно популистская ассоциация равенства с однородностью объясняет связь между популизмом и расизмом. Учитывая, что не каждый может отождествлять себя с «народом» таким же образом или с такой же легкостью, популистский акцент на однородность неизбежно влечет за собой исключаящие практики, а в некоторых случаях акт исключения может быть основан на этнических или расовых критериях. Признавая взаимосвязь между популизмом, национализмом, однородностью, национализм связан с логикой исключения, в то время как популизм связан с антагонизмом. Основное концептуальное различие между националистическим исключением и популистским антагонизмом может быть теоретически обоснованным, но это упускает из виду тот факт, что на практике они сходятся: антагонизм влечет за собой исключение и исключение влечет за собой антагонизм. Эта созависимость антагонизма и исключения также признана Эрнесто Лаклау, чей дискурсивно-теоретический подход к популизму сообщает Работа Де Клина. Усиление популистской логики, объясняет Лаклау, влечет за

собой процесс гомогенизации и поляризации, в результате которых «граница исключения разделяет общества на два лагеря» [18].

Исключение «другого» является попыткой компенсировать присущую народу как политическому субъекту неоднородность, попытку экстернализовать внутренний предел, пространственно отделив «я» от «другого». Исключение «другого» основано прежде всего на горизонтальной (националистической) или вертикальной (популистской) оси. В конечном счете, исключение вполне обычно для национал-популистской артикуляции, чтобы свалить в кучу различных «других», независимо от того является ли критерий исключения вертикальным или горизонтальным. Это проявляется, например, в нарративах, пропагандируемых многими современными европейскими национал-популистскими партиями, в которых «враги извне (мигранты, иммигранты, этнические меньшинства) объединяются или даже вступают в сговор с врагами сверху (ЕС, ООН, МВФ, «глобальные элиты» или иностранные державы) для подрыва или даже денационализации нации-народа»

Заключение

Исходя из изложенного, можно сформулировать, как минимум, три вывода.

Во-первых, национализм и популизм – внутренне переплетены, имеют общее структурное происхождение, они не могут быть полностью отделены друг от друга, даже если возможно разграничить идеально-типическую логику этих явлений.

Во-вторых, национализм и популизм проявляются в разнообразных формах: живучесть «банального» национализма сопровождается почти повсеместным присутствием «тонкого» популизма.

Третий вывод состоит в том, что проблема отношения национализма и популизма к современной демократии совершенно неразрешима. С одной стороны, национализм и популизм абсолютно необходимы для функционирования современной демократии, поскольку они предлагают решение пограничной проблемы и проблемы политического представительства. Соответственно без минимального слоя национализма и популизма современная демократическое сообщество

распалось бы прежде, чем оно смогло бы сформироваться. С другой стороны, национализм и популизм по своей сути антидемократичны, поскольку стремятся обеспечить окончательное решение проблемы конститутивной апории современной демократии и тем самым довести демократический проект до конца. Учитывая это напряжение, функционирование современной демократии зависит от разумного процесса посредничества между присущей демократическому проекту открытостью и движением закрытия, вызванное национализмом и популизмом. В конце концов, современная демократия является не столько статичным типом режима, сколько динамичной политической практикой.

Список литературы

1. Кугай А.И. Проблема нациестроительства в свете концепции М.В. Ломоносова / А.И. Кугай // Управленческое консультирование. – 2012. – №2 (46). – С. 32–38. EDN OZQIER
2. Кугай А.И. Самая высокая цена – на ярмарке тщеславия: психоаналитическая концепция нарциссизма Эриха Фромма / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография / Т.Е. Демидова, Г.А. Волковицкая, К.В. Кулемина [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 166–174.
3. Кугай А.И. Групповая психология и психоанализ лидерства / А.И. Кугай // Педагогика и психология как науки формирования потенциала современного общества: монография / А.А. Киселев, Л.П. Самойлов, С.Л. Данильченко [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 107–115.
4. Andrew Rehfeld. Towards a General Theory of Political Representation. The Journal of Politics. 2006. Vol. 68. pp. 1–21.
5. Andreas Wimmer (Eds). Nation and National Identity: The European Perspective. Chur: Rüegger, 1999. pp. 55–72.
6. Ben Stanley. The Thin Ideology of Populism. Journal of Political Ideologies. 2008. Vol. 13. pp. 95–110.

7. Benjamin Arditi. Populism as an Internal Periphery of Democratic Politics in Francisco Panizza (Ed.). Populism and the Mirror of Democracy. London and New York: Verso, 2005. pp. 72–98,
8. Bernard Yack. Popular Sovereignty and Nationalism. Political Theory. 2001. Vol. 29. pp. 517–536.
9. Cas Mudde, The Populist Zeitgeist. Government and Opposition. 2004. Vol. 39. pp. 542–563.
10. Charles Taylor. Nationalism and Modernity in Ronald Biener (Ed.). Theorizing Nationalism. Albany: State University of New York Press, 1999. pp. 219–246.
11. Claude Lefort. The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism. Cambridge: Polity. 1986. pp. 273–291.
12. De Cleen, B., Moffitt, B., Panayotu, P., & Stavrakakis, I. The Potentials and Difficulties of Transnational Populism: The Case of the Democracy in Europe. Political Studies. 2020. Vol. 68 (1). pp.146–166.
13. Ernest Gellner. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983.
14. Jan Jagers and Stefaan Walgrave. Populism as Political Communication Style: An Empirical. Study of Political Parties' Discourse in Belgium'. European Journal of Political Research. 2007. Vol. 46. pp. 319–345.
15. Jan-Werner Müller. What Is Populism? Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.
16. John Breuilly. Nationalism and the State. Manchester: Manchester University Press, 1993.
17. John Brahey. Nationalism and the state. New York: St. Martin's Press, 1982.
18. Laclau E. On populist reason. – L. – N.Y.: Verso, 2005.
19. Maureen A. Eger and Sarah Valdez. Neo-Nationalism in Western Europe. European. Sociological Review. 2015. Vol. 31. pp. 115–130.
20. Margaret Canovan. Populism for Political Theorists? Journal of Political Ideologies. 2004. Vol. 9. pp. 241–252,
21. Michael Billig. Banal Nationalism. London: Sage, 1995.

22. Michael Mann. *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
23. Peter Wade. *Race, Nature and Culture*. London: Pluto Press, 2002.
24. Quoted in Walker Connor. *A Nation Is a Nation, Is a State, Is an Ethnic Group*. *Ethnic and Racial Studies*. 1978. Vol. 1. pp. 377–400.
25. Rogers Brubaker. *Why Populism? Theory and Society*. 2017. Vol. 46. pp. 357–385.
26. Simon Tormey. *Populism and Liberal Democracy: A Comparative and Theoretical Analysis*. By Takis S. Pappas. New York: Oxford University Press, 2019. pp. 57–58
27. Yannis Stavrakakis and Giorgos Katsambekis. *Left-Wing Populism in the European Periphery: The Case of SYRIZA*. *Journal of Political Ideologies*. 2014. Vol. 19. pp. 119–142.
28. Jan Jagers and Stefaan Walgrave. *Populism as Political Communication Style: An Empirical Study of Political Parties' Discourse in Belgium*. *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46. pp. 319–345.
-

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Санкт-Петербург, Россия.
